Научная статья
УДК 930:327(510)
EDN FCTMXE
DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).140-154

Отражение политики национальной безопасности в дипломатическом дискурсе КНР: историографический обзор

В.М. Филашкина
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления: 02.02.2025
Дата принятия к печати: 12.08.2025
Дата онлайн-размещения: 29.08.2025

Аннотация. В статье представлен обзор основных работ отечественных, китайских и западных специалистов, посвященных отражению политики национальной безопасности в дипломатическом дискурсе КНР. По результатам анализа литературы было выделено, что парадигма национальной безопасности трансформировалась вместе с дипломатическими дискурсами лидеров КНР: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина. Подходам каждого лидера КНР соответствуют четыре этапа развития дипломатического дискурса и политики национальной безопасности. Целесообразнее начать изучение проблемы со второго этапа – включения КНР в международную политику при Дэн Сяопине. В ходе историографического обзора было определено, что важную роль при смене курса внешней политики играет непрерывность преемственности: лидеры КНР опирались на идеи и концепции предыдущих руководителей КПК, на обширные культурно-исторические традиции Китая. Таким образом, современный дипломатический дискурс Си Цзиньпина и его подходы к внешней политике, выраженные в таких терминах, как «сообщество единой судьбы человечества», «общество сяокан» и «великое возрождение китайской нации» представляют собой сплав философско-религиозных представлений Китая (конфуцианство, даосизм), наработок предыдущих лидеров и собственных идей руководителя КПК. В работе отмечено, что изучение корпуса научной литературы России, Китая и западных стран (преимущественно США) позволяет определить составляющие элементы дипломатического дискурса, политики национальной безопасности и концепций внешней политики каждого поколения лидеров КНР, выявить взаимосвязь между этими элементами. В проанализированной научной литературе недостаточное внимание уделяется их языковой реализации. Представляется возможным расширение поля исследования дискурс-анализом на конкретном языковом материале.

Ключевые слова. Дипломатический дискурс, национальная безопасность, КНР, внешняя политика, КПК.

科学文章

国家安全政策在中国外交话语中的体现：一个史学视角的考察

V.M. Filashkina
伊尔库茨克国立大学，
伊尔库茨克，俄罗斯联邦

结稿日期：2025年02月02日
出版日期：2025年08月12日
网上出版日期：2025年08月29日

摘要：本文概述了国内外专家致力于研究国家安全政策在中华人民共和国外交话语中体现的主要著作。根据文献分析的结果，我们发现国家安全范式是随着中华人民共和国领导人毛泽东、邓小平、江泽民、胡锦涛和习近平的外交话语而转变的。中华人民共和国历任领导人的外交方针分别对应着外交话语和国家安全政策发展的四个阶段。从第二个阶段——邓小平时期中华人民共和国融入国际政治——开始研究这个问题更为合适。在史学回顾中，我们确定了

© Филашкина В.М., 2025

继任的连续性在改变外交政策进程中发挥着重要作用：中华人民共和国领导人依靠中国共产党前任领导人的思想和理念，依靠中国丰富的文化和历史传统。因此，习近平的现代外交话语及其外交政策方针，以"人类命运共同体"、"小康社会"和"中华民族伟大复兴"等术语表达，体现了中国哲学和宗教思想（儒家、道家）、前几任领导人的成就以及中共领导人自身思想的融合。本文指出，通过研究俄罗斯、中国和西方国家（主要是美国）的科学文献，我们可以确定中国历代领导人外交话语、国家安全政策和外交政策理念的构成要素，并找出这些要素之间的关系。然而，在所分析的科学文献中，对这些要素的语言运用关注不足。通过对具体语言材料进行话语分析似乎可以扩大研究领域。

关键词：外交话语，国家安全，中华人民共和国，对外政策，中国共产党。

Original article

Reflection of National Security Policy in China's Diplomatic Discourse: A Historiographical Review

V.M. Filashkina

Irkutsk State University,

Irkutsk, Russian Federation

Received: 2025 February 2
Accepted: 2025 August 12
Available online: 2025 August 29

Abstract. The article gives an overview of the substantive studies that were conducted by domestic, Chinese, and Western experts to reflect national security policy in the diplomatic discourse of the PRC. According to the results of the theoretical sources' analysis, it was highlighted that the paradigm of national security was changing along with the diplomatic discourses of the Chairman of CPC: Mao Zedong, Deng Xiaoping, Jiang Zemin, Hu Jintao and Xi Jinping. The development of diplomatic discourse and national security policy can be divided into four stages based on the leadership styles of each leader, but it is more expedient to start studying the second stage – the inclusion of the PRC in international politics under Deng Xiaoping. During the bibliographic review, it was discovered that continuity has a significant influence on the course of foreign policy: the leaders of the PRC relied on the ideas and concepts of previous CPC leaders, as well as on China's extensive cultural and historical traditions. Thus, Xi Jinping's modern diplomatic discourse and his approaches to foreign policy, expressed in terms such as «community with a shared future for mankind», «xiaokang society» and «great rejuvenation of the Chinese nation» are a fusion of China's philosophical and religious beliefs (Confucianism, Taoism), the achievements of previous leaders, and the leader's own ideas. The paper notes that the study of the scientific literature of Russia, China, and Western countries (mainly the United States) makes it possible to identify the constituent elements of diplomatic discourse, national security policy, and foreign policy concepts of each generation of the PRC chairmen, as well as to identify the relationship between these elements, but insufficient attention is paid to their linguistic implementation. It seems possible to expand this field of research by discourse analysis based on specific linguistic material.

Keywords. Diplomatic discourse, national security, China, foreign policy, CPC.

Изучение дипломатического дискурса (и дискурса в частности) — явление относительно недавнее: основы дискурсивного анализа были заложены в XX в. такими выдающимися исследователями, как М. Бахтин, М. Фуко, Л. Альтюссер, Р. Барт, Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, Т. Ван Дейк, Р. Водак и др. [1, с. 7–11], однако идея о том, как различаются дискурсы различных сфер деятельности и как необходимо их исследовать, стала развиваться только в недавнее время. И в российской науке и в науке КНР первые работы о дипломатическом дискурсе появились почти одновременно в 2003–2004 гг. По мнению Ху Июнь, это связано как с процессом развития глобальной коммуникации, так и с тем, что государственные лидеры, политики и исследователи осознали важность той роли, которую играет дипломатический дискурс на международной арене [2, с. 209–210]. На современном этапе, корпус научной литературы о дипломатическом дискурсе представлен разнообразными исследованиями: в связи с необходимостью эффективного прогнозирования и регуляции международных конфликтов, разработка инструментов анализа главного компонента международного взаимодействия — дипломатического дискурса — является наиболее актуальной. Однако исследования почти не подвергались систематизации. Исключением является статья Ху Июнь, посвященная краткому обзору исследований дипломатического дискурса в Китае: автор классифицирует работы по предмету, и делает вывод, что китайские ученые добились больших успехов в расширении теоретической базы исследований дипломатического дискурса, но данной научной области требуется дальнейшее развитие, в том числе смещение фокуса с дискурсивной силы языка китайской дипломатии [там же, с. 213]. Автор не рассматривает то, как дипломатический дискурс Китая анализируется в зарубежных научных исследованиях. В связи с достаточно небольшим количеством работ, посвященных обзору исследований дипломатического дискурса КНР как в самом Китае, так в России и западных странах, представляется необходимым провести комплексный обзор предпринятых исследований.

Целью статьи является обзор основных работ отечественных, китайских и западных специалистов, посвященных отражению политики национальной безопасности в дипломатическом дискурсе КНР. Политика национальной безопасности, рассмотренная в рамках дипломатического дискурса, выбрана в качестве объекта исследования потому, что именно в ней четко формулируются стратегии выстраивания взаимосвязей с другими странами и ключевые интересы страны. Дипломатический дискурс опирается на положения концепций национальной безопасности, так как его основная цель — защита интересов государства. Так, например, Л.Г. Абдрахимов отмечает, что ценностно-идеологический элемент, представляющий собой синтез традиционных конфуцианских и коммунистических идей, является основой политики национальной безопасности КНР [3, с. 194]. Автор выделяет этот элемент в качестве концептуального уровня системы безопасности, однако можно отметить, что он определяет и функционирование дипломатического дискурса.

Парадигма национальной безопасности менялась вместе с дипломатическим и шире — внешнеполитическим дискурсом руководителей китайского государства: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина. В зависимости от подходов политического руководства можно выделить четыре этапа в развитии дипломатического дискурса и политики национальной безопасности, однако целесообразнее начать изучение дипломатического дискурса со второго периода, поскольку полноценное включение Китая в международную систему произошло при Дэн Сяопине, взявшем курс на экономическое сотрудничество и открытость. Подчеркнем, что внешнеполитический курс каждого лидера КНР вытекал из опыта предыдущего, из идей, заимствованных из истории и культуры Китая. Можно отметить, что современный дипломатический дискурс (в рамках политики национальной безопасности) Си Цзиньпина: «великое возрождение китайской нации», «китайская мечта», «сяокан», «сообщество единой судьбы человечества» — это продолжение и развитие дипломатического дискурса, сформированного его предшественниками. Так, А.И. Тиханский считает, что политика национальной безопасности КНР основывается на стратегических теориях Дэн Сяопина [4]. Интересно, что основные исследования дипломатического дискурса Дэн Сяопина принадлежат авторству отечественных и западных ученых (в том числе представителей зарубежного китайского сообщества). Согласно китайской научной базе CNKI, почти все исследования посвящены анализу философско-политической системе лидера или его биографии.

Среди отечественных работ выделяется диссертационное исследование А.В. Боярки-

ной «Эволюция идейных основ внешней политики КНР» [5]. Автор подробно рассматривает внешнеполитический курс пяти поколений руководителей КНР. Анализируя период правления Дэн Сяопина, исследователь отмечает, что, несмотря на начавшееся сближение с США, партийное руководство КНР было недовольно политикой Соединенных Штатов в отношении Тайваня (особенно поставкой современного оружия). Именно тогда остро встала проблема национального объединения и развития китайско-американских отношений, зародилась формулировка «мирного воссоединения», до сих пор определяющая дипломатический дискурс КНР. Открытый военный конфликт в Тайваньском проливе мог оказать негативное влияние на расширение международных связей КНР, что и в современную эпоху рассматривается Китаем, усиливающим свое присутствие в мире, как нежелательный фактор. В то же время, Дэн Сяопин понимал, что представлять Китай на международной арене может только одно государство. Концепция Дэн Сяопина «одна страна — два строя» позволила сконструировать эффективный дипломатический дискурс: Великобритания после переговоров Дэн Сяопина и Маргарет Тэтчер в 1982 г. согласилась на присоединение Гонконга к материковому Китаю. Эта концепция была зафиксирована в конституционном строе КНР: специальный административный район Гонконга, наделенный автономией, стал точкой притяжения для иностранного капитала. Дэн Сяопин и далее основывал внешнюю политику на данных принципах: модернизация, экономическая открытость (с опорой на пять принципов мирного сосуществования), сохранение территориальной целостности, защита суверенитета, поддержка «третьих стран», мирное развитие, противодействие гегемонизму. Эти принципы и в настоящее время составляют основу дипломатического дискурса и политики национальной безопасности КНР. Автор обращает внимание на то, что Дэн Сяопин заложил в основу объективное реагирование на постоянно меняющийся миропорядок, что позволило ему установить связи с внешним миром, оказывать влияние на международные конфликты (переговоры по поводу ирано-иракской войны), стабилизировать экономическое и политическое положение страны [5, с. 200–237].

Н.А. Богданова и Е.Г. Солнцева выделяют четыре особенности дипломатического дискурса Дэн Сяопина. Во-первых, это курс на открытость и реформы [6, с. 6–9]. Дэн Сяопин понимал, что развенчание мифа о «китайской угрозе» и экономическое сотрудничество — это необходимые условия для модернизации страны. Во-вторых, это стратегия «двух преобразований», означавшая сокращение НОАК как знак проявления силы и уверенности государства, выражавшая новый подход к оценке международной ситуации. Так, Дэн Сяопин не отрицал возможности войны, однако предлагал не концентрироваться на гонке вооружений; в его понимании военное столкновение — это самая крайняя мера, необходимая для защиты государства. Дэн Сяопин изменил политику «одной линии»: по мнению лидера КНР, склоняться в сторону США или СССР — это ошибочный подход, Китай должен развивать открытые дипломатические отношения со всеми странами. Следующей была экономическая стратегия «трех шагов»: обеспечение населения едой и одеждой, затем — построение общества «сяокан» (среднезажиточного общества) и только потом — достижение уровня развитых стран. Дэн Сяопин определил свой дипломатический курс в 28 иероглифах: «хладнокровно наблюдать» (судить о международной ситуации спокойно и взвешенно), «укреплять расшатанные позиции, укрепляя выдержку» (разрабатывать независимый политический курс), «справляться с трудностями» (постоянно саморазвиваться), «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» (соблюдать баланс на международной арене, эта формулировка была введена после трагических событий на площади Тяньаньмэнь) [7, с. 15–17].

В.А. Никитюк замечает, «социализм с китайской спецификой», заложенный Дэн Сяопином, был лучшим выбором для Китая, поскольку ни следование европейскому варианту социализма, ни идеи Мао Цзэдуна не могли из отсталой страны сделать передовую державу [8, с. 23–25]. Принцип «сяокан», который развивал Дэн Сяопин, вследствие своего конфуцианского происхождения был понятен широким слоям населения, особенно — крестьянам, для которых было важно сохранение мелких аграрных хозяйств. В конечном счете, сочетание традиционных и современных методов управления для Китая (и Тайваня в том числе, так как Чан Кайши тоже опирался на этот принцип) оказалось лучшей стратегией. Последователи Дэн Сяопина продолжают придерживаться этого принципа, что отражается и в дипломатическом дискурсе.

Из зарубежных исследований можно выделить монографию Прии Суреш «Внешняя политика Китая при Дэн Сяопине: политико-стратегическое измерение», в которой подробно

рассматриваются все аспекты политической деятельности Дэн Сяопина, анализируются традиционные основы политического курса Китая (конфуцианство, даосизм, легизм). Анализируя реформы Дэн Сяопина в сфере внешней политики, автор отмечает, что ключевым элементом изменений стал баланс между созданием имиджа независимой сильной державы, обладающей уникальным пониманием международных отношений, экономической модернизацией и установлением связей с другими странами, особенно супердержавами: СССР и США. Автор подчеркивает, что, несмотря на то, что Китай пошел на сближение с двумя великими державами, политика Дэн Сяопина по отношению к ним оставалась предельно осторожной. КПК не могла полностью доверять СССР из-за расширения влияния последнего на территории Вьетнама и у границ КНР [9, с. 87–91]. В то же время открытый конфликт мог негативно повлиять на международный образ Китая. Поэтому, когда Вьетнам напал на Камбоджу и вынужден был отступить под давлением мирового сообщества, Дэн Сяопин воспользовался возможностью и предложил СССР наладить отношения [там же, с. 88–90]. Предложение китайского лидера включало в себя постепенный вывод советских войск из Афганистана и Монголии и отвод войск от границ с КНР. СССР и Китай стали сближаться в 1987 г., а после встречи в 1989 г. оба лидера: М. С. Горбачев и Дэн Сяопин решили, что отношения между СССР и КНР будут регулироваться пятью принципами мирного сосуществования. США рассматривались как потенциальная угроза, однако для модернизации были необходимы технологии, ресурсы, капитал, поэтому Китай не мог не пойти на сближение. Начиная с известной «пинг-понговой» дипломатии в 1971 г., КНР создавала стабильные связи с США. Однако после того как в 1982 г. Соединенные Штаты стали поставлять оружие Тайваню, отношения с США перешли в фазу латентного противостояния, продолжающуюся до сих пор. Автор подчеркивает, что именно Дэн Сяопин заложил стратегию внешнеполитического курса КНР: всегда поддерживать страны «третьего мира», стремиться к миру и гармонии, поддерживать дружеские отношения со всеми странами, но отказаться от любой формы проявления блокового мышления [там же, с. 90–91].

В другом исследовании авторы Тянь Сюцзюнь и Ли Сяоцянь с помощью корпусного анализа рассматривают изменения в китайском дипломатическом дискурсе. Авторы определяют, что на время правления Дэн Сяопина приходятся следующие ключевые слова: *Индокитай, Камбоджа, национальный, модернизация и нормализация, развитие, отчизна, воссоединение.* Таким образом, в дипломатическом дискурсе Дэн Сяопина содержится лексика, отражающая внешнеполитические изменения [10].

Уже было отмечено, что согласно базе CNKI, исследования авторов из КНР в основном посвящены биографии политического лидера, однако встречаются работы, содержащие анализ заложенных Дэн Сяопином подходов к созданию внешнеполитического курса и выработке концепции национальной безопасности. Например, Гун Ли, профессор Института международной стратегии ЦК КПК, отмечает, что реформы Дэн Сяопина оказали большое влияние на формирование современного внешнеполитического курса КНР. Прежде всего, это политика открытости, создание свободных экономических зон, модернизация производства, выход на международную арену и создание дружеских отношений с другими странами, сочетающиеся со стремлением к независимости, самостоятельности и особым видением внутренней и внешней политики, мирового развития [11, с. 17–18].

Третий этап приходится на годы правления Цзян Цзэминя. Так, А. В. Бояркина отмечает, что трагедия на площади Тяньаньмэнь и нарастание противоречий между капитализмом и социализмом оказали существенное влияние на формирование внешней политики того времени. Хотя Цзян Цзэминь подчеркнул, что будет придерживаться линии политики Дэн Сяопина, его управление отличалось прагматичным подходом к национальной безопасности. Так, при Цзян Цзэмине НОАК оснащалась более передовыми технологиями. В то же время политический лидер вел дискурсивное противостояние западным странам (и Японии), которые видели в КНР потенциальную угрозу, усиливали изоляцию страны (особенно после событий на площади Тяньаньмэнь), приостановили доступ к научным разработкам и льготным займам. Для преодоления трудностей, вызванных сложной международной обстановкой, Китай придерживался концепции «сдержанности» [там же, с. 239]. При этом было необходимо продолжать внутреннее развитие страны и придерживаться курса реформ Дэн Сяопина, особенно концепций «мирное воссоединение родины» и «одно государство — два строя» в отношении тайваньского вопроса. Цзян Цзэминь разработал сдержанную и осторожную политику, направленную на успокоение китайской и ми-

ровой общественности, внутренней бюрократии [11, с. 238–241]. Партия, не предпринимая резких решений, занималась укреплением внешней и внутренней политики, укреплением обороны страны. Цзян Цзэминь был обеспокоен сепаратистскими настроениями на Тайване, однако, веря только в возможность мирного объединения, для решения этого вопроса выдвигал дискурсивные формулы «нация» и «родина». В целом, во внешнеполитическом дискурсе Цзян Цзэминя отражались положения разрабатываемого им внешнеполитического курса: защита суверенитета, борьба с гегемонизмом, мирное разрешение конфликтов, дружеское сотрудничество с другими государствами, особенно со странами третьего мира, на основе пяти принципов мирного сосуществования, «придерживаться открытости внешнему миру» [там же, с. 243].

Политический лидер призывал к установлению нового миропорядка: стабильного, справедливого, рационального, в котором сохранялось бы уважение к суверенитету и территориальной целостности государств. Данные формулировки будут присутствовать и в дискурсах его последователей. Дипломатический дискурс Цзян Цзэминя опирался на четыре главных понятия: «многополярность мира», «экономическая глобализация», «мир во всем мире», «совместное развитие всех государств». Формирование дискурса было связано с тем, что система международных отношений находилась в кризисном состоянии: шло разрушение биполярной системы международных отношений, распад СССР, присутствовала возможность возникновения конфликтов, в том числе и у границ КНР. Понятие «безопасность» прочно вошло в китайский дипломатический дискурс [там же, с. 245]. Цзян Цзэминь разработал пять принципов внешнеполитического курса, призванных обеспечить национальную безопасность: борьба против агрессии крупных держав-гегемонов (США), защита интересов государства, нации и народа, выгода от сотрудничества с экономически развитыми государствами, Компартия должна была выступать как звено международной системы и противостояние государствам, ущемляющим интересы третьих стран [там же, с. 256–257].

Э.П. Пивоварова отмечает, что Цзян Цзэминь выстраивал внешнюю и внутреннюю политику на основе теории марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, т.е. выступал преемником предыдущих политических лидеров КНР [12, с. 29]. Совокупность своих идей Цзян Цзэминь назвал концепцией «тройного представительства» и «теоретической инновацией». Э.Ф. Бородич в главе «На пути к обществу сяокан» из книги «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» замечает, что идея «тройного представительства» заключалась в том, что КПК должны представлять передовые слои китайского народа, передовые производительные силы и передовая культура [13, с. 620–621]. В целом, это означало, что в состав КПК должны были включиться новые слои населения: предприниматели, техперсонал, сотрудники научно-технических предприятий и т.д. Это бы решило проблему теневого бизнеса, который не попадал под контроль государства. Соответственно снижалась роль классового критерия отбора в партию, и возрастала значимость таких факторов, как эффективность управления, профессионализм, научный подход. Естественно, трансформация КПК вызвала серьезные разногласия среди политиков. Чтобы не вызвать раскол в обществе, Цзян Цзэмин вводил меры, направленные на стабилизацию и укрепление национальной безопасности: замену руководителей, выработку «правильного стиля работы» [там же, с. 619–625].

Интересной представляется работа Андреа Джизелли «Защита интересов Китая за рубежом», в которой рассматривается не только реализация внешней политики КНР за рубежом, но и динамика изменений политики национальной безопасности. Автор отмечает, что при Цзян Цзэмине национальная безопасность рассматривалась как ключевой фактор укрепления НОАК и государства в целом. График, приведенный автором, отражает рост использования слова «безопасность» в правительственных отчетах, приходящихся на годы руководства Цзян Цзэминя [14, с. 23–25]. В то же время, нетрадиционные угрозы безопасности (такие, как, например, международный терроризм) стали для КНР возможностью укрепить положительный образ страны. Новая концепция безопасности, разработанная Цзян Цзэминем, стала риторической и дипломатической «площадкой» для участия Китая в зарубежных операциях и поставках гуманитарной помощи. Автор замечает, что Цзян Цзэминь не был радикальным новатором, и его дискурс в основном опирался на идеи Дэн Сяопина.

Согласно китайской научной базе CNKI, рост числа исследований дипломатического дискурса Цзян Цзэмина, проведенных в КНР, приходится на 2002 г., время отставки председателя.

Исследования китайских авторов, представленные на платформе CNKI, в основном содержат анализ того, как Цзян Цзэминь развивал

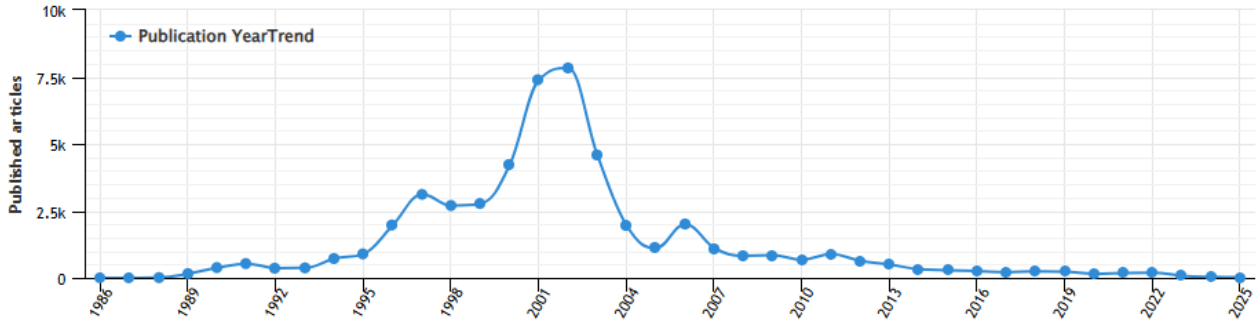

Рис. 1. Количество исследований, посвященных Цзян Цзэминю*

* Источник: научная база CNKI: Metrological Visualization Analysis // CNKI. 2024. URL: https://oversea.cnki.net/kvisual/article/center?language=EN (дата обращения: 21.12.24).

дипломатические стратегии Дэн Сяопина. Например, в статье Хэ Чжэнъюя «Краткое изложение стратегических подходов Цзян Цзэмина к многосторонней дипломатии» отмечено, что Цзян Цзэминь выстраивал внешнюю политику страны в соответствии с необходимостью адаптации к изменениям, происходящим в мире: распадом биполярной системы, появлением новых угроз безопасности, усилением глобализационных процессов [15, с. 166]. При этом было необходимо продолжать линию Дэн Сяопина: строить социализм с китайской спецификой, бороться с усиливающимся влиянием США, реализовывать независимую внешнюю политику.

Перейдем к четвертому поколению лидеров КНР — Ху Цзиньтао. Вновь обратимся к диссертационному исследованию А.В. Бояркиной. Автор отмечает, что Ху Цзиньтао уже не просто развивает идеи Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, а разрабатывает собственные глобальные теории. Ху Цзиньтао впервые открыто обращается к древнекитайской культуре, делает ее, наравне с социализмом, основой внешнеполитического курса, и тем самым открывает традицию активного переосмысления историко-политической мысли имперского Китая. Например, Ху Цзиньтао цитирует такие древнекитайские литературные памятники, как «Весны и осени господина Люя», трактат Конфуция «Лунь юй» («Суждения и беседы»), приводит в пример распад династии Чжоу во время непрекращающихся раздоров (период Сражающихся царств). Именно из этих источников он заимствует идею «гармоничного развития» и «мирного возвышения» [там же, с. 304]. По мнению Ху Цзиньтао, Конфуций создал первую внешнеполитическую теорию, в которой «гармония» (和) означала объединение различных элементов, а «тождественность» (同) — смешение однородных [там же, с. 303–305]. Ху Цзиньтао понимал, что Китаю, прежде всего, нужна дискурсивная стратегия, которая могла бы отражать специфику страны в политическом, культурном, цивилизационном плане. Для разработки подобной концепции председатель создал исследовательскую группу, учредил политологические экспертные центры, занимающиеся исследованием того, как с помощью древнекитайской военно-политической культуры придать Китаю статус великой державы, не вызвав у мирового сообщества страха перед набирающим мощь государством. А.В. Бояркина обращает внимание на то, что в данной концепции слово «мир» (和平) имеет подтекст не только установления мира, но и более конкретный: стабилизация и укрепление государства [15, с. 305]. Китайские исследователи считают, что данный термин носит и значение «расширение». Это проистекает от идеи главенствующего значения «Срединного царства», главное задачей которого было объединение кочевых племен, наносящих урон мирной жизни. На современном этапе это может интерпретироваться, как необходимость баланса в поддержке интересов различных этнических меньшинств.

Китайские учёные посвятили обоснованию теории «мирного возвышения» ряд научных трудов. Например, в изданной на английском языке книге Е Цзычэна, профессора Пекинского университета, «Внутри большой стратегии Китая: взгляд из Народной Республики», приводится множество предпосылок того, почему Китай должен стать великой державой. Перечислим некоторые из них:

1. Китай — третья по территориальной величине страна в регионе. Автор считает, что все великие державы должны обладать большой территорией (как СССР и США).

2. Китай — первая в мире страна по количеству населения.

3. Китай — шестая в мире страна по значению ВВП (на момент написания исследования).

4. Китай — страна, обладающая значительной политической и военной силой.

5. Китай — страна, обладающая национальной мощью. Автор выделяет три критерия: способность к выживанию (обеспеченность природными ресурсами, населением, военной и экономической мощью), способность к развитию (стабильно функционирующие общественные институты, эффективная система образования, высокий уровень грамотности населения, научного прогресса, уровня жизни и т.д.), влияние на международную систему (привлекательность культуры и политики, участие в интеграционных процессах, влиятельный голос в международных организациях) [16, с. 14–17].

Профессор Е Цзычэн выделяет и исторические предпосылки. В прошлом Китай был супердержавой, и, в то время как другие великие державы, прекратили свое существование, Китай продолжает свою пятитысячелетнюю историю, в том числе в виде сохранения письменности и культурных традиций. Автор проводит кросстемпоральный макроисторический анализ и сравнивает Римскую империю с империей Хань, Восточную Римскую империю с империей Тан, империю Сун и Мин с Европой в целом, империю Цинь с Великобританией, и приходит к выводу, что в данные эпохи Китай был одним из самых мощных государств. Автор отмечает, что в 220 г. до н.э. империя Хань по сравнению с Римской империей обладала более качественной организацией и большим количеством подданных (более 60 млн. человек), территориальным охватом (от Кореи до Восточной Азии, большая часть современного Китая), протяженностью дорог (6800 км. против 5984 км. в Римской империи). Монетарная политика, экономическая система, система безопасности, по мнению автора, были в целом более развиты. Исследователь подчеркивает, что некитайское население гордилось возможностью адаптироваться к благам китайской культуры (языку, литературе, агрикультуре, искусству). Столица империи Тан, город Чанъань, могла сравниться только с Багдадом или Константинополем, при этом технологии, без которых сложно представить современный мир: текстильная продукция, металлургия, добыча полезных ископаемых, производство сахара, бумаги, посуды, морская навигация, математика и т.д., процветали именно здесь. К тому же бюрократическая система намного превосходила свою эпоху по уровню развития [там же, с. 26–35].

Профессор Е Цзычэн отмечает, что отношения КНР и США — ключевой вопрос национальной безопасности КНР. Китаю для развития требуется мирная и спокойная международная обстановка, а США — единственная страна, которая угрожает Китаю как в военном, так и в дискурсивном плане (синофобия и формирование образа врага). США вмешиваются в тайваньский вопрос, оказывают военную поддержку, тем самым усугубляя конфликт. США более выгодно рассматривать в качестве союзника, с которым можно обмениваться технологиями, инвестициями, продукцией, но который не вмешивается во внутренние дела страны. Китай и США должны сотрудничать в самых различных сферах: от противостояния угрозам безопасности до ограничения распространения атомного оружия и поддержки стабильности в тихоокеанском регионе. Однако на данном этапе США мешают Китаю приобрести полноценный статус великой державы: во-первых они создают негативный дискурсивный образ КНР, а во-вторых, они поддерживают Тайвань, что является очень болезненным вопросом для Китая. Так, профессор Е Цзычен отмечает, что США угрожают «возрождению великой нации» и всему будущему Китая, оказывая помощь островным властям. По мнению автора, несмотря на то, что история Китая знала немало периодов смуты и хаоса, именно стремление к объединению является отличительной чертой данной страны. Поэтому объединение с Тайванем — это важнейшая часть большой стратегии Китая по возвращению статуса великой державы. Помимо тайваньского вопроса автор выделяет еще четыре чувствительных для КНР вопроса: острова Дяоюйдао (Сенкаку), острова в Южно-Китайском море, напряженность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и фактор Тибета [16, с. 227–229].

Конечно, нельзя не учитывать роль эмоционального фактора в трудах профессора Е Цзычэна. Китайские исследователи, работающие за рубежом, находят этому объяснение. Так, в статье Ли Минцзянь из сборника «The Ashgate Research Companion to Chinese Foreign Policy» отмечено, что китайская политическая элита особенно чувствительна к международному статусу своей страны, формирующемуся из культурных, исторических, социальных и современных политических источников [17, с. 33–34]. С детства китайским школьникам рассказывают о величии их страны, о четырех великих изобретениях, повлиявших на весь мир (компас, порох, бумага и печатный станок), о выдаю-

щейся древней культуре, о том, как китайский язык и конфуцианские догмы влияли на все государства Восточной Азии. Автор отмечает, что подобное стремление к возвращению статуса великой державы появилось из-за тайно переживаемого политической элитой стыда за те унижения, которые пришлось пережить имперскому Китаю в XIX–XX вв. Автор утверждает, что со времен первых революционных лидеров до наших дней идея возрождения величия остается движущей силой китайской внешней политики [17, с. 34–35]. Например, все достижения, которые перечисляют китайские политики (экономические, научные, социальные), являются, по их мнению, факторами, укрепляющими международный статус страны. Индикаторами роста международного статуса в отчетах китайских аналитиков выступают экономические показатели: ВВП, экономический роста, валютный резерв и т.д. Используются и международные достижения: успешно организованные мирные переговоры, антитерроризм, уменьшение последствий изменения климата, энергетическая безопасность, гуманитарная помощь, борьба с пиратством и т.д. Исследователи отмечают, что стратегия «мирного возвышения» была благосклонно принята многими странами, что в свою очередь положительно повлияло на укрепление международного статуса Китая. Оказал влияние и экономический кризис 2008–2009 гг., оказавшийся отличной возможностью для Китая во время ослабления США заявить о себе на международной арене [там же, с. 36–37]. По-прежнему острой остается проблема образа Китая на Западе: несмотря на все старания китайских политиков, Китай все еще воспринимается в качестве потенциальной угрозы. Это хорошо понимал Ху Цзиньтао, который начал разрабатывать политику китайской «мягкой силы». Автор делает вывод, что и в будущем Китай будет стремиться к масштабированию жесткой силы, разрабатывая при этом внешнюю политику открытого, дружественного и безопасного государства. По мнению автора, это является частью большой внешнеполитической стратегии КНР.

Жан-Пьер Кабестан, профессор Баптистского Университета в Гонконге и исследователь Азиатского центра в Париже, отмечает, что внешняя политика и политика безопасности при Ху Цзиньтао не слишком отличается от тех, что были при его предшественнике — Цзян Цзэмине. Однако после отставки Дэн Сяопина в 1993–1994 гг. в сфере безопасности и внешней политики произошли значительные изменения. Например, реформы политической системы, экономической организации, снижение роли армии и одновременное повышение значимости дипломатов, экспертов в области внешней политики и безопасности, внешнеторгового бюрократического аппарата [18, с. 64]. Автор отмечает, что на самом деле эти изменения начались еще во время реформ Дэн Сяопина: председатель КПК запустил процесс профессионализации НОАК одновременно с нивелированием авторитета генералов [там же]. Благодаря Дэн Сяопину дипломатия была выдвинута на первое место, в результате некоторой децентрализации местные власти получили больше возможностей устанавливать международные связи. В то же время, КПК при всех политических лидерах сохраняла незыблемую монополию на принятие внешнеполитических решений. Автор подчеркивает, что до сих пор трудно разделить коллективную инициативу политических органов и идеи самих политических лидеров, поэтому осуществление внешней политики, по его, мнению, в КНР происходит коллективно. Как отмечает автор, Цзян Цзэминь значительно укрепил личную власть в 1998–2002 гг., после Тайваньского ракетного кризиса. Ху Цзиньтао продолжил эту политическую линию: при нем внешняя политика и политика безопасности осуществляются коллективным локусом власти, однако именно он координирует принятие решений [18, с. 66–67].

Перейдем к обзору исследований внешнеполитических подходов пятого лидера КНР — Си Цзиньпина. Политика Си Цзиньпина наиболее активно изучается, как в самом Китае, так и за рубежом. А. В. Бояркина отмечает, что с приходом к власти нового руководителя в 2012 г. произошел окончательный отказ от политической линии Дэн Сяопина «держаться скромно» [там же, с. 372]. Аналитики по всему миру выделяют дипломатию Си Цзиньпина в отдельную категорию, поскольку, хоть и продолжая преемственную линию развития, Си Цзиньпин разработал собственный внешнеполитический курс и собственный дипломатический дискурс.

Например, термин «новая эпоха» означает выдвижение Китая в центр мировой арены, вклад Китая, опирающегося на «социализм с китайской спецификой» в мировое развитие. Термин произошел из положения «пяти эпох», которое лидер КНР привел в работе «Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху». Важной особенностью внешней и внутренней политики Си Цзиньпина стала открытая опора на традиционную культу-

ру. Необходимо отметить, что элементы традиционной культуры так или иначе присутствовали в государственной политике всех лидеров, однако именно при Си Цзиньпине конфуцианская философская мысль (как и идеи других философско-религиозных школ) стала фактором мягкой силы и имиджевой чертой страны на мировой арене, Автор замечает, что на саммите ШОС в 2018 г. Си Цзиньпин цитирует конфуцианские трактаты: «Шан Шу», «Каноны правителей Юй и Яо», основная мысль которых заключается в поддержании социальной гармонии, что явно импонирует Председателю КПК. На XIX съезде Си Цзиньпин заметил, что китайская дипломатия в «новую эпоху» должна быть векторной, многоуровневой и многомерной [18, с. 372–375]. Тогда же были выдвинуты такие внешнеполитические концепции, как «сообщество единой судьбы человечества», «дипломатия великой державы с китайской спецификой», «новый тип международных отношений» и т.д. Основой внешнеполитической доктрины Си Цзиньпина стала цель по достижению статуса великой державы, причем важно отметить, что акцент был смещен с преимущественно экономического развития на внешнюю политику. Как отмечает автор, основу «дипломатии великой державы с китайской спецификой» заложил унизительный Нанкинский договор. Политическая элита КНР считает, что в современную эпоху Китай может законно занимать место сверхдержавы на мировой арене.

А.В. Бояркина выделяет следующее особенности дипломатии Си Цзиньпина:

1. Участие Китая в реализации интересов мирового сообщества;

2. Достижение международной стабильности и безопасности;

3. Строительство «сообщества единой судьбы человечества», направленного на гармоничное, открытое, выгодное, дружественное взаимодействие стран;

4. Выдвижение тезиса о недопустимости вмешательства во внутренние дела других государств и применения силы [там же, с. 377].

Реализация принципов заключается в том, что Китай принимает более активное участие в международных делах, в разрешении конфликтов, при этом продвигая свои интересы и отстаивая региональную стабильность вблизи своих границ [там же, с. 376–379].

Автор подчеркивает, что КНР, несмотря на экономическое и политическое соперничество с США, настаивает на необходимости укрепления сотрудничества. При этом «дипломатия великой державы с китайской спецификой» является ответом на дискурс западных стран, фокусирующийся на военной и экономической мощи США, поэтому, обычно превалирующая спокойная, иногда торжественно-патетическая тональность китайского дипломатического дискурса меняется на более агрессивную («wolf warrior» diplomacy). Стратегия направлена на защиту национальных интересов, что указывает на тесную связь внешнеполитической линии и сферы безопасности [18, с. 379]. Однако, профессор Бейтс Гилл, заведующий кафедрой исследований в области безопасности и криминологии в Университете Маккуори в Сиднее, считает, что «дипломатия волков-воинов» представляет собой не дискурсивный инструмент «мягкой силы», а пропаганду и стремление представить позитивный образ авторитарного государства. Автор не утверждает, что у Китая полностью отсутствует «мягкая сила», но, по его мнению, полностью опираться на нее для укрепления авторитета на международной арене Китай не может [19].

И.В. Турицын, И. Рау отмечают, что курс Си Цзиньпина на «великое возрождение» нации является сочетанием преемственности и новаторства. Строительство «гармоничного сообщества» (как внутри, так и за пределами страны) было выдвинуто еще Ху Цзиньтао, а он, в свою очередь, опирался на идеи «трех представительств»: Цзян Цзэминя, Дэн Сяопина и Мао Цзэдуна. Лидеры КПК, начиная с Дэн Сяопина, понимали, что взаимовыгодное партнерство и положительный имидж страны на международной арене — это неотъемлемое условие развития [20, с. 135–136].

И.В. Денисов полагает, что, на самом деле, большинство новаторских идей каждого поколения политического руководства КНР является продолжением политической линии их предшественников, адаптацией к изменяющемся условиям на государственном и международном уровне. Однако Си Цзиньпин в большей мере, чем другие лидеры, переориентировал власть на себя, что и привело к разговору о выдвижении новой теории управления государством [21, с. 85]. Автор подчеркивает, что отличительной чертой внешнеполитического курса Си Цзиньпина является активная работа по выстраиванию новых взаимоотношений с другими странами. Главной задачей КНР как большой державы стало влияние на мировую политику, экономику и культуру. Специфика «китайского типа» международных отношений заключается в отказе от

силовой политики и агрессии, и от вступления в блоки и альянсы [21, с. 87–89].

Зарубежные исследователи Роберт Д. Блэквилл и Курт М. Кэмпбелл в докладе Совета по международным делам «Си Цзиньпин на международной арене» отмечают, что Си Цзиньпин стал самым могущественным политическим лидером КНР после Дэн Сяопина: антикоррупционная политика позволила ему за короткий срок эффективно консолидировать власть в своих руках [22, с. 3–5]. Авторы подчеркивают, что у отмеченной политической линии есть свои минусы: так вся ответственность за внутренние и внешние проблемы: от конфронтации с США и странами Европы до замедления экономики, легла на плечи Си Цзиньпина. По мнению авторов, это существенно ослабило государственную систему КНР. Авторы отмечают, что уверенная, целенаправленная, сочетающая элементы мягкой силы и военно-экономического принуждения внешняя политика первых лет правления Си Цзиньпина изменилась в условиях замедления оборотов экономического развития. Отмечается, что продвижение националистической повестки, резкий дипломатический дискурс и открытая конфронтация с США являются отвлекающим маневром от экономических проблем [там же, с. 5]. Авторы обращают внимание на то, что, хотя трансформация внешней политики повлекла за собой изменения во внутренней, изменения не были столь существенными. Си Цзиньпин подчеркнуто отошел от, по его мнению, слабой политики своего предшественника (Ху Цзиньтао), однако в то же время его отношение к территориальным вопросам, инструменты геоэкономического принуждения и жесткая критика США являются прямым продолжением внешнеполитической линии Ху Цзиньтао [там же, с. 16–20].

Согласно китайской научной базе данных CNKI, пик роста исследований дипломатического дискурса Си Цзиньпина пришелся на 2018 г. (703 работы).

Подобный рост интереса к политике лидера КНР связан с несколькими причинами: во-первых, после изменения Конституции, председатель КНР был переизбран на третий срок, а во-вторых, журнал “Forbes” признал Си Цзиньпина самым влиятельным человеком в мире. В целом, авторы подчеркивают, что новаторские идеи Си Цзиньпина в сфере внешней политики базируются на политической мысли его предшественников, особенно Дэн Сяопина.

Так Лю Хайся, профессор школы марксизма Китайской академии общественных наук и научный сотрудник Института марксизма Китайской академии общественных наук замечает, что внешнеполитическая теория Си Цзиньпина не противоречит взглядам Дэн Сяопина, а развивает, дополняет их, при этом отражая отличительные черты современной эпохи [23, с. 35–36]. Го Шуйонг, профессор Школы международных отношений и связей с общественностью Шанхайского университета, и соавторы считают, что дипломатическая мысль Си Цзиньпина сама по себе является теорией международных отношений, а с другой стороны оказывает большое влияние на формирование китайской школы международных отношений [24, с. 1–3]. Дай Чанчжэн, профессор Школы международных отношений Института национальной безопасности и управления и аспирант Цзэн Сидзе, в свою очередь, комплиментарно называют дипломатическую мысль Си Цзиньпина «воплощением коллективной мудрости партии и традиционной культуры Китая, наследием и развитием внешнеполитической практики КНР». [25, с. 28–29]. Таким образом, взгляды исследователей по всему миру

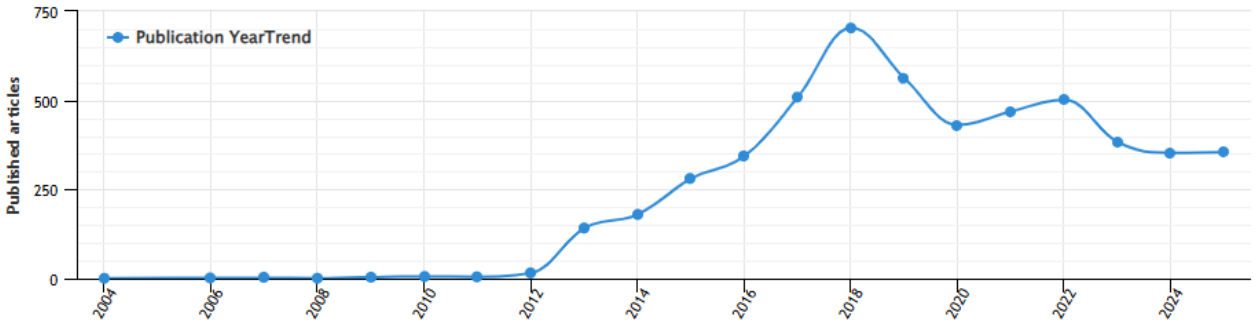

Рис. 2. Количество исследований, посвященных Си Цзиньпину*

* Источник: научная база CNKI: Metrological Visualization Analysis // CNKI. 2024. URL: https://oversea.cnki.net/kvisual/article/center?language=EN (дата обращения: 21.12.24).

сходятся в том, что внешнеполитическая линия Си Цзиньпина является дальнейшей разработкой и адаптацией к новым условиям опыта предыдущих поколений руководителей КНР.

Подводя итог, можно отметить, что обширный корпус научной литературы, с разной степенью полноты раскрывающей взаимосвязь между парадигмами дипломатического (внешнеполитического) дискурса, политикой национальной безопасности и персональным стилем управления каждого руководителя КНР, дает достаточно точное представление о том, как и с помощью каких ресурсов формировалось представление лидеров КНР о международных отношениях, национальной безопасности, мест Китая на мировой арене, роли Китая в решении глобальных проблем и т.д. С помощью представленного обзора исследований отечественных, западных и китайских авторов удалось установить такую особенность дипломатического дискурса каждого руководителя КНР, как отчетливо прослеживаемую преемственность как разработок предыдущих лидеров, так и политико-философской мысли Китая в целом. Необходимо отметить, что в большей степени исследованы подходы каждого поколения председателей КПК к реализации внешней политики, при этом языковая составляющая дипломатического дискурса, то, как именно в языке отражаются трансформации внешнеполитической линии, представления о национальной безопасности и личные качества руководителей государства, рассматриваются в меньшей степени. Для создания глубокого и целостного представления об особенностях дипломатического дискурса КНР, требуется расширить анализ данного поля исследований.

Список использованной литературы

1. Иохим А.Н. Российская идентичность и гуманитарные ценности : дискурс-анализ / А.Н. Иохим. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2020. — 271 с.

2. Ху И. Краткий обзор исследований дипломатического дискурса в Китае / И. Ху. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_23. — EDN MTZEYS // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 208–215.

3. Абдрахимов Л.Г. Идея «Великое возрождение китайской нации - Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая / Л. Г. Абдрахимов. — DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203. — EDN WJFCVA // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — № 1. — С. 189–203.

4. Тиханский А.И. Госбезопасность Китая / А.И. Тиханский // СОНАР-2050. — 2018. — 06 апр. — URL: https://www.sonar2050.org/publications/politika-nacionalnoy-bezopasnosti-knr-i-voenno-strategicheskie-koncepcii-ee-obespecheniya/.

5. Бояркина А.В. Эволюция идейных основ внешней политики КНР : дис. ... д-ра полит. наук : 5.5.1 / А.В. Бояркина. — Владивосток, 2024. — 535 с.

6. Богданова Н.А. К вопросу о дипломатии КНР: основные теории Дэн Сяопина / Н.А. Богданова, Е.Г. Солнцева. — DOI 10.37882/2223-2982.2022.08-2.01. — EDN VNCATS // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2022. — № 8-2. — С. 6–9.

7. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / В.Я. Портяков — Москва : Изд-во ИДВ РАН, 2015. — 280 с.

8. Никитюк В.А. Принцип «сяокан» в деятельности Дэн Сяопина: построение социализма с китайской спецификой / В.А. Никитюк. — DOI 10.24411/2500-1000-2019-10698. — EDN OKYCQJ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 4–1. — С. 22–25.

9. Suresh P. Foreign Policy of China under Deng Xiaoping: Politico-Strategic Dimension / P. Suresh. — Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. — 322 p.

10. Tian X. Corpus-Based Analysis of Shifts in China's Diplomatic Stance Across Seven Decades (1949–2018) / X. Tian, X. Li // Front Psychol. — 2022. — Vol. 13. — URL: https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.1021410/full.

11. 宫力. 邓小平与当代中国外交—基于国际战略的视角 / 宫力 // 毛泽东研究. — 2024. — № 4. — P. 17–29. [Гун Ли. Дэн Сяопин и современная китайская дипломатия — с точки зрения международной стратегии / Гун Ли // Исследование о Мао Цзэдуне. — 2024. — № 4. — С. 17–29.]

12. Пивоварова Э.П. Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР / Э.П. Пивоварова. — EDN YQWSVF // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК : материалы ежегод. науч. конф., Москва, 15–17 марта 2017 г. — Москва, 2017. — С. 24–36.

13. Бородич В.Ф. Идея «тройного представительства» / В.Ф. Бородич. — EDN XAVMFN // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. — Москва, 2016. — Т. IX. — С. 619–624.

14. Ghiselli A. Protecting China's Interests Overseas. Securitization and Foreign Policy / A. Ghiselli. — Oxford University Press, 2021. — 286 p.

15. 何征宇. 浅谈江泽民多边外交战略思想 / 何征宇 // 知识经济. — 2007. — № 12. — P. 166–168. [Хэ Чжэнъюй. Краткая дискуссия о стратегическом мышлении Цзян Цзэминя в области многосторонней дипломатии / Хэ Чжэньюй // Экономика знаний. — 2007. — № 12. — С. 166–168.].

16. Zicheng Ye. Inside China's Grand Strategy: The Perspective from the People's Republic / Ye Zicheng, Liu Guoli, S.I. Levine. — Lexington, KY, 2010. — 301 p.

17. Li M. International Status: China's Pursuit of a Comprehesive Superpower Status / M. Li // The Ashgate Research Companion to Chinese Foreign Policy / ed. E. Kavalski–Farnham. — Burlington, VT : Ashgate, 2012. — 481 p.

18. Cabestan J.-P. China's Foreign and Security Policy Decision-Making Processes under Hu Jintao / J.-P. Cabestan // Journal of Current Chinese Affairs. — 2009. — Vol. 38, no. 3. — P. 63–97.

19. Гилл Б. Дипломатия «волков-воинов» в Китае — работает ли она? / Б. Гилл // Россия в глобальной политике. — 2020. — URL: https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/.

20. Турицын И. В. «Китайская мечта» о великом возрождении нации и внешняя политика КНР эпохи Си Цзиньпина (2012–2018 гг.) / И. В. Турицын, И. Pay. — EDN YYFPTF // Современная научная мысль. — 2019. — № 1. — С. 135–159.

21. Денисов И.В. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И.В. Денисов. — DOI 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98. — EDN YLOEAN // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 83–98.

22. Blackwill R.D. Xi Jinping on the Global Stage: Chinese Foreign Policy under a Powerful but Exposed Leader / R.D. Blackwill, K.M. Campbell. —2016. — 53 p.

23. 刘海霞. 习近平外交思想对邓小平时代观的坚持、发展与创新 / 刘海霞 // 马克思主义研究. — 2024. — № 11. — P. 35–45. [Лю Хайся. Настойчивость, развитие и новаторство дипломатической мысли Си Цзиньпина в свете взглядов Дэн Сяопина на современность / Лю Хайся // Марксистские исследования. — 2024. — № 11. — С. 35–45.].

24. 郭树勇. 习近平外交思想对中国学派发展的影响—基于国际关系理论史的视角 / 郭树勇, 张笑吟 // 国际展望. — 2022. — № 14. — P. 1–27. [Го Шуйонг. Влияние дипломатической мысли Си Цзиньпина на развитие китайской школы — с точки зрения теории истории международных отношений / Го Шуйонг, Чжан Сяоинь // Международное обозрение. — 2022. — № 14. — С. 1–27.].

25. 戴长征. 习近平外交思想的时代性与超越性 / 戴长征, 曾思捷 // 国际展望. — 2022. — № 14. — P. 28–43. [Дай Чанчжэн. Эпохальный и трансцендентный характер дипломатической мысли Си Цзиньпина / Дай Чанчжэн, Цзэн Сицзе // Международное обозрение. — 2022. — № 14. — С. 28–43.].

References

1. Iokhim A.N. *Russian Identity and Humanitarian Values*. Lomonosov Moscow State University Publ., 2020. 271 p.

2. Hu Y. A Brief Review of Diplomatic Discourse Studies in China. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2023, no. 2, pp. 208–215. (In Russian). EDN: MTZEYS. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_23.

3. Abdrakhimov L.G. Xi Jinping's "The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream" as an Ideological Basis for the National Security of China. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*, 2023, no. 1, pp. 189–203. (In Russian). EDN: WJFCVA. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203.

4. Tikhanskii A.I. China's National Security. SONAR-2050. 2018. April 06. Available at: https://www.sonar2050.org/publications/politika-nacionalnoy-bezopasnosti-knr-i-voenno-strategicheskie-koncepcii-ee-obespecheniya/.

5. Boyarkina A.V. *The Evolution of the Ideological Foundations of China's Foreign Policy. Doct. Diss*. Vladivostok, 2024. 535 p.

6. Bogdanova N.A., Solntseva E.G. To the Question of PRC Diplomacy: The Main Theories of Deng Xiaoping. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 2022, no. 8-2, pp. 6–9. (In Russian). EDN: VNCATS. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.08-2.01.

7. Portyakov V.Ya. *Foreign Policy of the People's Republic of China in the 21st Century*. Moscow, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 280 p.

8. Nikityuk V.A. Principle "Xiaokan" in Deng Xiaoping`S Practice: Creating Socialism with Chinese Characteristics. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 4-1, pp. 22–25. (In Russian). EDN: OKYCQJ. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10698.

9. Suresh P. *Foreign Policy of China under Deng Xiaoping: Politico-Strategic Dimension*. Singapore, Palgrave Macmillan, 2022. 322 p.

10. Tian X., Li X. Corpus-Based Analysis of Shifts in China's Diplomatic Stance Across Seven Decades (1949–2018). *Front Psychol*, 2022, vol. 13. Available at: https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.1021410/full.

11. Gong Li. Deng Xiaoping and Modern Chinese Diplomacy — From the Perspective of International Strategy. *Máozédōng yánjiū = A Study on Mao Zedong*, 2024, no. 4, pp. 17–29. (In Chinese).

12.Pivovarova E.P. Features of Continuity and Novelty in the Economic Policy of Five Generations of Chinese Leaders. In *The Socio-Political Situation on the Eve of the 19th CPC Congress*. *Proceedings of the Annual Scientific Conference, Moscow, March 15–17, 2017*. Moscow, 2017, pp. 24–36. (In Russian). EDN: YQWSVF.

13. Borodich V.F. The Idea of “Triple Representation”. In *The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century*. Moscow, 2016. Vol. IX, pp. 619–624. (In Russian). EDN: XAVMFN.

14. Ghiselli A. *Protecting China’s Interests Overseas. Securitization and Foreign Policy*. Oxford University Press, 2021. 286 p.

15. He Zhengyu. A Brief Discussion on Jiang Zemin's Strategic Thinking in Multilateral Diplomacy. *Zhīshì jīngjì = Knowledge Economy*, 2007, no. 12, pp. 166–168. (In Chinese).

16. Zicheng Ye., Guoli Liu, Levine S.I. *Inside China's Grand Strategy: The Perspective from the People's Republic*. Lexington, KY, 2010. 301 p.

17. Li M. International Status: China’s Pursuit of a Comprehesive Superpower Status. In Kavalski–Farnham E. (ed.). *The Ashgate Research Companion to Chinese Foreign Policy*. Burlington, VT, Ashgate, 2012. 481 p.

18. Cabestan J.-P. China’s Foreign and Security Policy Decision-Making Processes under Hu Jintao. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2009, vol. 38, no. 3, pp. 63–97.

19. Gill B. China's 'Wolf Warrior' Diplomacy: Is It Working? *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Politics*, 2020. Available at: https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/.

20. Turitsyn I.V., Rau J. “Chinese Dream” on the Great Revival of the Nation and the Foreign Policy of the People's Republic of China of the Epoch of Xi Jinping (2012–2018). *Sovremennaya nauchnaya mysl = Modern Scientific Thought*, 2019, no. 1, pp. 135–159. (In Russian). EDN: YYFPTF.

21. Denisov I.E. Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2017, no. 5, pp. 83–98. (In Russian). EDN: YLOEAN. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98.

22. Blackwill R.D., Campbell K.M. *Xi Jinping on the Global Stage: Chinese Foreign Policy under a Powerful but Exposed Leader*. 2016. 53 p.

23. Liu Haixia. Perseverance, Development and Innovation of Xi Jinping's Diplomatic Thought in Light of Deng Xiaoping's Views on Modernity. *Mǎkèsī zhǔyì yánjiū = Marxism Studies*, 2024, no. 11, pp. 35–45. (In Chinese).

24. Guo Shuyong, Zhang Xiaoyin. The Influence of Xi Jinping's Diplomatic Thought on the Development of the Chinese School — From the Point of View of the Theory of the History of International Relations. *Guójì zhǎnwàng = International Outlook,* 2022, no. 14, pp. 1–27. (In Chinese).

25. Dai Changzheng, Zeng Sijie. The Epochal and Transcendental Nature of Xi Jinping's Diplomatic Thought. *Guójì zhǎnwàng = International Outlook,* 2022, no. 14, pp. 28–43. (In Chinese).

Информация об авторе

Филашкина Варвара Максимовна — аспирант, Исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, varvarafilashkina@mail.ru.

作者信息

Varvara M. Filashkina — 研究生, 历史系, 伊尔库茨克国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, varvarafilashkina@mail.ru.

Authors

Varvara M. Filashkina — PhD Student, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, varvarafilashkina@mail.ru.

Для цитирования

Филашкина В.М. Отражение политики национальной безопасности в дипломатическом дискурсе КНР: историографический обзор / В.М. Филашкина. — DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).140-154. — EDN FCTMXE // Российско-китайские исследования. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 140–154.

For Citation

Filashkina V.M. Reflection of National Security Policy in China's Diplomatic Discourse: A Historiographical Review. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 140–154. (In Russian). EDN: FCTMXE. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(2).140-154.